

Давид Голощекин: Питерский джаз не хуже американского...

Музыкальный директор фестиваля, основатель и руководитель Филармонии джазовой музыки народный артист России Давид Голощекин в беседе с нашим корреспондентом предпочел говорить не о начавшемся, а о будущем, Десятом фестивале.

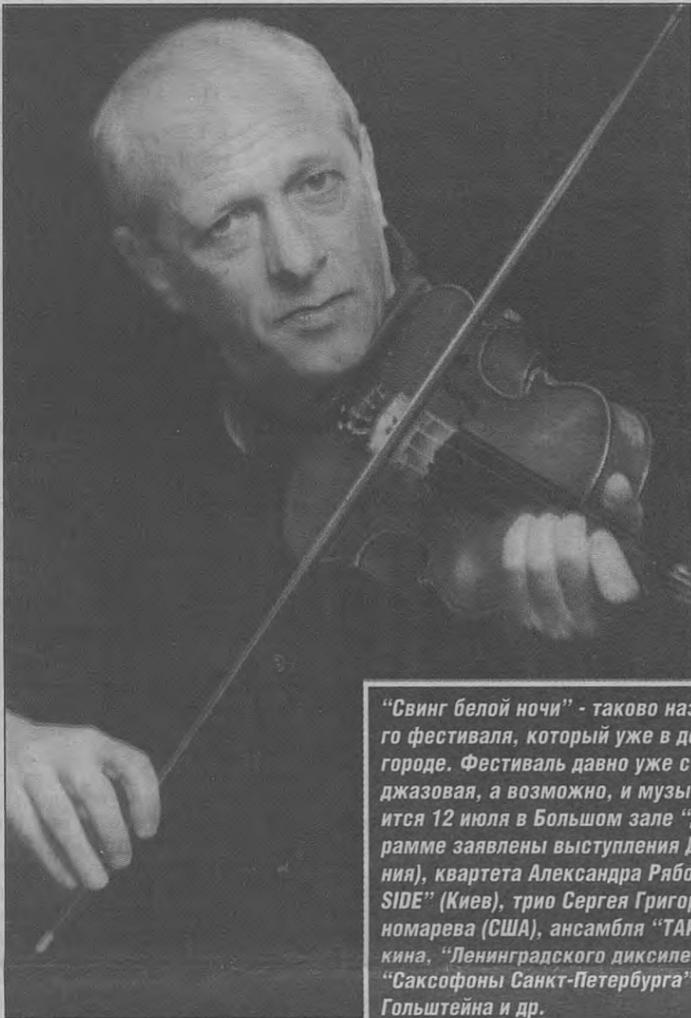
— Этот фестиваль можно считать состоявшимся. Поэтому предлагаю заглянуть в недалекое будущее. Следующий фестиваль "Свинг белой ночи", можно сказать, юбилейный. К тому же он совпадает с трехсотлетием Петербурга. Но не следует думать и надеяться, что произойдет что-то невероятное. Обычно журналисты любят у меня выведывать, кто приглашен из зарубежных джазовых звезд: "Этот придет? А этот?" Ну, во-первых, об этом говорить еще рано. А во-вторых, я в таких случаях спрашиваю: "А вы слушали, скажем, Иванова или Сидорова?" — "Нет". — "Так вот послушайте!" Сколько можно преклоняться просто перед статусом зарубежного, западного музыканта?! Кого-кого, а меня, как вы сами понимаете, не то что обвинить, но даже и упрекнуть нельзя в негативном или предвзятом отношении к Америке. Я с большим уважением и любовью отношусь к американскому джазу, к американской музыкальной культуре. Но ведь, простите, должно настать время, чтобы на нашей сцене преобладали наши джазовые музыканты. Их очень много, замечательных музыкантов, но в силу различных причин они менее известны публике. И всегда будут оставаться в безвестности, если не предпринимать мер по пропаганде их искусства. Этим-то как раз и занимается наша филармония.

— Давид Семенович, я правильно вас понял, фестиваль будет ориентирован не на западных звезд? В таком случае скажите, пожалуйста, каким образом будет проводиться отбор участников?

— Будет объявлен конкурс на лучшую фестивальную программу. Прежде всего, среди петербургских джазменов. Подчеркиваю, конкурс на программу, а не конкурс исполнителей, участников. Уровень музыкантов, кто на что способен, мы знаем и так. А вот кто какую юбилейную программу предложит, надо посмотреть. Начиная с осени, проведем цикл концертов-отборов, если хотите, конкурсных просмотров-прослушиваний программ. Это будут как бы плановые концерты "Джаз-филармоник-холла". С той лишь разницей, что программы будут оценивать специально сформированное жюри. На Десятом фестивале "Свинг белой ночи", по моему разумению, должно торжественно величие нашего, питерского, джаза в первую очередь, даже не российского, а именно петербургского. Но это не исключает участия в фестивале гостей, которые захотят сделать подарок городу. Так мы объявили и всем консулам, аккредитованным в нашем городе.

— Каким образом происходит открытие новых талантов?

— В конце ноября пройдет

"Свинг белой ночи" — таково название Международного джазового фестиваля, который уже в девятый раз проводится в нашем городе. Фестиваль давно уже стал событием, которого ждет вся джазовая, а возможно, и музыкальная Россия. Открытие состоится 12 июля в Большом зале "Джаз-филармоник-холла". В программе заявлены выступления Джеймса Куллума (Великобритания), квартета Александра Рябова (Эстония), квинтета "CXID-SIDE" (Киев), трио Сергея Григорьева (С.-Петербург), Валерия Пономарева (США), ансамбля "ТАКЕ4" (Финляндия), Давида Голощекина, "Ленинградского диксиленда" Олега Кувайцева, оркестра "Саксофоны Санкт-Петербурга" под руководством Геннадия Гольштейна и др.

Неотъемлемой частью фестиваля являются концерты на свежем воздухе. В настоящее время Михайловский сад — традиционное место их проведения — на ремонте. По этой причине поклонники джаза (и не только) приглашаются 14 июля на площадь Искусств. Вход, как говорится, свободный.

седьмой конкурс молодых джазовых музыкантов "Осенний марафон". Проводится он раз в два года. Два года — тот срок, за который может подрасти "племя младое, неизвестное". Ибо возрастной ценз конкурсантов определен: от 15 до 25 лет.

— Давид Семенович, Филармония джазовой музыки — единственная в мире. Как вам удалось ее "пробить". Но давайте все-таки по порядку. С чего для вас начался джаз?

На Десятом "Свинге белой ночи" восторжествуют петербуржцы

— Как ни странно, мой вкус определился очень рано, когда мне было лет семь — восемь. Жили мы довольно бедно. В доме не было ни музыкальных инструментов, ни даже патефона! Патефон был у тети. Тетя — страстный коллекционер, в том числе и пластинок. В ее собрании были и Утесов, и Цфасман, и Варламов, и даже кое-какая американская музыка. Я помню желтые этикетки, на которых было написано: "На англ. языке. Исп. оркестр". А звучал вообще чуть ли не Эллингтон! Мне доставляло удовольствие слушать эту музыку, она мне безумно нравилась, джаз меня просто очаровал!

А когда мне было лет 12 или 13, отец купил приемник "Рекорд", такой маленький, несуразный. Конечно, я ловил все, что было связано с джазом, — звучание саксофона, синкопы. Однажды приятель отца настроил приемник на короткие волны. Там раздавалось: "This is the voice of

American music USA time for jazz..." Это был "Час джаза Виллиса Кановера" на "Голосе Америки". Прозвучала заставка — знаменитая композиция "Садись в поезд "А"...". Чарующие волшебные звуки! На следующий день в шко-

ле-десятилетке при Консерватории, где я учился, я рассказал своим одноклассникам о "Часе джаза". Мои друзья, в их числе Володя Спиваков, с которым мы на одной парте сидели, тоже заинтересовались джазом. Они тоже стали слушать "Голос Америки". О чем вскоре узнало руководство школы. Вызвали моих родителей. У меня были неприятности. Но я не перестал слушать "Голос Америки", и, конечно, мне захотелось все, что я там слышал, играть.

Ко времени окончания школы я уже играл джаз в квартете Юрия Вихарева. Играл и одновременно учился у старших товарищей — джазовых музыкантов. Поскольку больше учиться этому было негде. И я в Консерваторию поступать не стал. Наверное, из меня бы композитор не вышел. Нет у меня тяги к сочинительству, к написанию опер, ораторий, симфоний, сонат. И дара, наверное, нет. А вот джаз — это моя стихия.

— Во времена вашей молодости джаз, мягко говоря, не был в чести.

— Занявшись джазом профессионально, я почти сразу же ощутил давление, что меня еще больше подзадоривало. "Ах, нельзя? Так я все равно буду играть!" Я не понимал, почему нельзя играть. Я же ничего плохого людям не делаю. В том числе и людям из органов, которые "беседовали" со мной. Я задавал им риторический вопрос: "Что крамольного в этих звуках? Только то, что эта музыка родилась в Америке и она якобы буржуазная? Так ведь это просто смешно! А потом: "Джаз — это же негритянское искусство". Ответ был только один: есть установка ЦК! Еще со времен Жданова. Америка — наш идеологический враг, и то, что свойственно ей, не должно получить распространения у нас. Поэтому каждому, кто высывался, давали по носу. А я

тыдились сказать Эллингтону "нет" на его вопрос, играют ли у нас джаз. Вот тут-то и вспомнили про меня. "Голощекин?" — "Да". — "Вам звонят из Управления культуры, вы со своим ансамблем должны явиться завтра в Дом дружбы в 15 часов и сыграть для Дюка Эллингтона! Нужно показать, что такое советский джаз!" Я думал, что меня кто-то разыгрывает. "Кончайте разыгрывать!" — "Никто вас и не думает разыгрывать! Вы можете прямо сейчас прийти к нам, на Невский, 40, и получить приглашение".

В Доме дружбы с народами зарубежных стран намечалась встреча Эллингтона с музыкальной общественностью города. В зале помимо музыкантов представители обкома, горкома, райкома, исполкомов, МВД и КГБ, пресса. Мы с ребятами сыграли. Я играл на разных инструментах, чему очень удивлялся Эллингтон. Чиновники мрачно взирали на нас, как на корриде. Им важно было, чтобы советский джаз победил. Эллингтон обнимал меня. Это для меня было равнозначно триумфу! Чиновники поспешили позвать мне руку, что-то лестное сказать. Я был в шоке! Затем мы целый час играли вместе с музыкантами и самим Эллингтоном — под транспарантом "Идеи Ленина живут и побеждают!"

— Пришло время, и вы были официально признаны.

— Значительно позже — и в какой-то степени да. В 1978 году порядочные люди в ЦК ВЛКСМ решили делегировать на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване не только классику, народное творчество и псевдоэстраду, но и показать миру, что в СССР есть еще и джаз. И мой оркестр вернулся с Кубы лауреатом!

И тем не менее в начале 80-х мы вынуждены были работать в валютном баре гостиницы "Москва". Но оттуда нас уволили за то, что позволили себе несанкционированный контакт с иностранцами.

Если помните, в конце восьмидесятых годов "Ленконцерт", монополярная организация, которая держала всю концертную деятельность в своих руках и куда в то время входил мой оркестр, стала распадаться. Нужно было спасать джаз! Джаз никому не был нужен! Я понимал, что это не коммерческое искусство. Джаз таковым никогда не был и не будет. Что делать? Для начала нужно, решил я, заполучить помещение, стационар. С Валентиной Матвиенко я был знаком по Дворцу молодежи, в бытность ее еще первым секретарем обкома комсомола, у нас сложились хорошие деловые отношения. И я пришел на прием уже к зампрединполкома Матвиенко. Валентина Ивановна меня помнила. Я объяснил ей ситуацию с джазом в городе. "А что можно сделать?" — "Можно будет сделать, если вы своей властью выделите нам уголок, где бы мы осели на законном основании". — "На Загородном пустует кинотеатр "Правда". Я пошел, посмотрел. Для джаза лучшего и надо. Такого до сих пор и у Нью-Йоркских джазменов нету!"

Владимир ЖЕЛТОВ